

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ВОРОТИЛИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

heldel@list.ru

ОЛЬГА ОЛЕГОВНА НИКОЛАЕВА

аспирант кафедры немецкой филологии РГПУ имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация), старший преподаватель кафедры германской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

olyanik1983@mail.ru

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «VERGANGENHEIT» В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Статья затрагивает проблему времени как необратимой, линейной и каузальной последовательности событий, которые на немецкой почве запечатлены наиболее ярко в культурно-исторической и языковой картине мира для конституента «Прошлое» всеобъемлющего концепта времени. «Vergangenheit» («Прошлое») становится одним из центральных в творчестве современного немецкого писателя Б. Шлинка. Тема невозможности преодоления прошлого имманентна роману «Das Wochenende». «Фильтр времени» по-разному находит отражение в судьбах персонажей: для Йорга, главного героя романа, это скорее «историческое настоящее», не позволяющее персонажу выйти за рамки своего Прошлого (метафора «Zelle»), благодаря убеждению в правильности избранных некогда методов революционной борьбы.

Ключевые слова: концепт времени и его конституент «Vergangenheit», немецкая языковая картина мира, индивидуально-авторский концепт времени, роман «Das Wochenende»

Образ мира современного человека выстраивается в парадигмах расширяющегося пространства и времени (ср.: [1: 280–281]). Смысловая природа образа мира наиболее отчетливо выступает в идее «смыслового поля», реализуемого в развитии личности посредством усложнения отношений человека и мира, формирования нового типа взаимодействия личности и его действий. Личность входит в мир своими действиями, способными изменить условия бытия. «Время» выступает как фильтр. Понятие «фильтр» проясняет «ущербность» отраженного. Механизм фильтра призван что-то пропускать, что-то задерживать. Примеры поведения человека в экстремальных ситуациях дают богатый материал для понимания взаимосвязи функций «фильтра» и «зеркального» отражения. М. Хайдеггер показывает, что в ситуации страха у человека возникают определенные изменения во взаимоотношениях между представлениями о модусах времени в сознании. М. Хайдеггер пишет, что страх перед... – это всегда страх о..., в этом проявляется черта страха как определенного состояния сознания. Конституентом экзистенциально-временного смысла страха при этом является за-бывание, то есть индивид дистанцируется от своей фактической способности «быть», бытие-в-мире в ситуации страха переходит к сужению горизонта своего развития, переходит на более примитивную стадию существования. Индивид

не способен думать о далеких перспективах, сосредоточивается на непосредственно наблюдаемых им здесь и сейчас событиях, он не способен включать в рассмотрение не очень отдаленное прошлое и будущее, что обуславливает потерю ориентации в настоящем [4: 341].

В свете концепции необратимости, линейности и каузальной последовательности связанных друг с другом событий возникает два круга вопросов: 1) о возможности коммуникации разных поколений или социальных групп, воспитанных в русле разных традиций или в русле господствующих в этой конкретной исторической ситуации кодов (идеологических, политических, философских, психологических, культурных); 2) о неизбежности или вытеснении сознанием проблем преступных действий, совершенных одной личностью или группой лиц в истории человечества, а именно проблемы вины в том виде, как она сформулирована начиная с эпохи древнееврейских пророков и эпохи Античности через философию и литературу экзистенциализма вплоть до литературы постмодерна¹.

В истории Германии XX века различают по меньшей мере три эпохи, которые требуют подробного историко-культурного и эстетического осмысливания. Две из них связаны с проявлением диктатуры и тоталитаризма (эпоха нацизма и эпоха послевоенного режима ГДР), а третья – в новейшее время – с попытками достичь каких-либо

изменений в существующем строе путем террора. Названная проблема вызывает острые разногласия, которые находят отражение в не-прекращающихся дискуссиях о правомерности сравнения первых двух эпох и о существовании третьей. Весь сложный и противоречивый опыт немецкого прошлого, будь то преступления против человечности, совершенные национал-социалистами в эпоху Третьего рейха, или поражающие бессмысленной жестокостью террористические акты, осуществленные в 70–80-х годах XX века леворадикальной организацией «Фракция Красной армии» («Rote Armee Fraktion», RAF), способствует концептуализации данной темы в мировосприятии современных носителей немецкого языка. Таким образом, концепт «Vergangenheit» («Прошлое») закрепляется с течением времени в качестве ментального комплекса, представленного средствами немецкого языка, обретает национальную специфику и становится одним из весьма значимых элементов в немецкой языковой картине мира.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает экспликация одноименного культурного концепта в пределах авторской картины мира. Не лишаясь общечеловеческих и национальных характеристик в пределах ядерной и приядерной зон, он в данном случае обнаруживает на периферии «личностные особенности авторского мировосприятия» [3: 135], несомненно, «составляющие суть художественного творчества» [3: 138], и превращается в индивидуально-авторский концепт. В этой связи интересно проследить динамику индивидуальной картины мира писателя в русле тех изменений в презентации, которые претерпевает в творчестве автора один из его базовых индивидуальных концептов. Пожалуй, нет в немецкой литературе двух последних десятилетий другого писателя, который, подобно Бернхарду Шлинку, автору прославленного романа «Чтец» («Der Vorleser») (1995), столь же активно обращался к теме преодоления немецким народом своего прошлого, сделав последнюю одной из магистральных тем творчества и превратив соответствующий культурный концепт «Vergangenheit» в базовый для своей индивидуальной картины мира. Кроме того, работа над осмысливанием этого непростого вопроса ведется Б. Шлинком не только в художественно-практическом, но и в теоретическом плане. Так, в 2011 году писатель выступает в своей *alma mater*, Гейдельбергском университете им. Рупрехта и Карла, с циклом из трех лекций на тему «Размышления о писательстве. Гейдельбергские лекции по поэтике» («Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen») и в первой же лекции под названием «Как писать о прошлом» («Über die Vergangenheit schreiben») поднимает вопрос о том, существуют ли специальные правила для художественного осмысле-

ния «особого» прошлого Германии. Предостерегая писателей при обращении к подобной теме не только от чрезмерной типизации характеров и ситуаций, но и от недооценки типического [7: 16–18], Б. Шлинк приходит в лекции к следующим выводам:

1) У автора художественного текста, посвященного теме прошлого, нет иной цели, кроме той, чтобы рассказать читателям некую историю и сделать ее подлинной (*wahrhaftig erzählen*) [7: 28].

2) Подлинность изображаемой истории понимается двояко: как то, что имело место или могло бы иметь место в действительности, и как то, что сам автор характеризует как «особое чувство», которое приходит от осознания, что рассказываемое в произведении верно (*die Geschichte stimmt*). Подлинность в указанных смыслах – единственное требование, которое, как считает автор, необходимо налагать на всякое повествование о прошлом Германии [7: 27–29].

3) Обращаясь в художественном тексте к теме прошлого, нельзя застраховать себя от того, что даже если рассказанная история подлинна, она все равно может ранить читателя, который почувствует себя обманутым и даже оклеветанным: «*Es kann verletzen – wie die Vergangenheit verletzt hat und weiter verletzt*» [7: 35].

Сказанное выше находит свое отражение не только в теоретических установках Б. Шлинка, но и в тех видоизменениях, которые претерпевает авторская картина мира писателя и, в частности, культурный концепт «Vergangenheit» в романах последних лет. В качестве примера сошлемся на изменение ряда характеристик культурного концепта «Vergangenheit» в романе Б. Шлинка «Три дня» («Das Wochenende») (2008).

Известно, что ядерные характеристики концепта являются облигаторными и общепринятыми для всех представителей определенной лингвокультуры [2: 112–113]. Согласно толкованию, приведенному в словаре серии Duden «Deutsches Universalwörterbuch», под ядерной характеристикой концепта «Vergangenheit» мы понимаем «жизнь человека до настоящего момента» («*jemandes Leben bis zum gegenwärtigen Zeitpunkt*») [8: 1642].

В романе «Das Wochenende» названная ядерная характеристика приобретает более отвлеченный характер и трансформируется в своеобразный «метафизический суд» над прошлым, в критический анализ фактов прошлой жизни главного героя, немецкого террориста Йорга, одного из лидеров ультралевой экстремистской организации RAF, помилованного после двадцати четырех лет заключения. «Суд» этот происходит в первые дни пребывания главного героя на свободе во время встречи со старыми друзьями-единомышленниками в небольшом загородном доме его сестры. Постоянное обращение участников встречи к прошлому Йорга, их попытки

найти ключ к преодолению в страшных событиях его минувшей жизни и тем самым создать предпосылки для адаптации героя в настоящем отражаются в лексемах-номинантах прошлого: «sich erinnern», «zurückdenken», «Vergangenheit», «damals», «einst», «früher», «das Geschehene», «vor Jahren», «seit Jahren», обладающих повышенной частотностью в текстовом целом.

Приведенные выше лексические единицы (ЛЕ) совокупно образуют эксплицитную репрезентацию индивидуально-авторского концепта «Vergangenheit» в данном романе, они – его понятийная составляющая. Данные ЛЕ наиболее часто используются представителями национального лингвокультурного сообщества для репрезентации одноименного культурного концепта [2: 113]. Любопытен и тот факт, что из всех лексем этого списка наибольшее распространение в тексте получают ЛЕ «damals» (42), «sich erinnern» (36) и их дериваты, а также основной лексический репрезентант анализируемого концепта – ЛЕ «Vergangenheit» (9). Все они содержат в своей семантической структуре семы «Zurückliegendes», «im Gedächtnis bewahrt haben», «sich ins Bewusstsein zurückrufen», «zurückdenken» [8]. Указанные лексемы формируют идею «воскрешения минувшего и сохранения его в памяти» и способствуют, по нашему мнению, возникновению противопоставления двух временных планов: 1) настоящего, из которого ведется повествование, и 2) минувшего («damals»/«Vergangenheit»), в которое возвращаются мысли повествователей – участников встречи, поочередно вспоминающих прошлое и пытающихся вскрыть причины поступков главного героя и на примере его судьбы переосмыслить недавнее террористическое прошлое Германии (die jüngste Vergangenheit Deutschlands).

Однако, несмотря на тот факт, что центральное место в романе отведено прошлому Йорга, одноименный культурный концепт отнюдь не исчерпывается своей ядерной характеристикой: «жизнь конкретного человека до настоящего момента». Перед читателем предстает биография не столько личная, сколько целого поколения, то есть не единичная судьба, но судьба целого поколения тех молодых немецких интеллектуалов конца 1960-х годов, которые под влиянием ложных идеалов и убеждений встали на путь терроризма. Подтверждение этому находим в имплицитной репрезентации индивидуально-авторского концепта «Vergangenheit», в тех лексических, грамматических, стилистических средствах, которые маркируют уникальность языковой личности писателя и актуализируют характеристики концепта, формирующие его ассоциативно-образный и оценочный слои [2: 113]. В беседах собравшихся на трехдневную загородную встречу людей, бывших некогда близкими друзьями и единомышленниками,

прошлое Йорга как «героя своего времени» – дерзкие похищения и убийства, ультиматумы правительству, постоянный риск и фанатичная вера в идею «городской партизанской войны» против государства – не более чем «безобразная, отвратительная болезнь, дурман и морок», которые поразили террористов много лет назад, но с которыми необходимо окончательно расстаться во имя будущего. Тем не менее, в соответствии с замыслом автора, «болезнь» Йорга – неизлечима (внешне, фабульно это выражается в обнаруженном у героя онкологическом заболевании). Бывший террорист оказывается неспособен разобраться в своем прошлом и переосмыслить его, продолжая рассуждать о своих действиях в категориях тридцатилетней давности («Jörg redete, wie man vor dreißig Jahren geredet hatte und heute einfach nicht mehr redete <...>» (158))² и признавая лишь ошибочность *коллективной* деятельности террористов RAF, но не *свои личные* заблуждения. Поэтому использование ЛЕ «irren», «Fehler», «falsch», личных местоимений 1-го лица множественного числа вместо единственного, как, например, в предложении: «Sag mir, dass wir den falschen Krieg geführt hatten, <...> wir haben die Lage falsch eingeschätzt» (101), также можно отнести к средствам имплицитной репрезентации индивидуального концепта «Vergangenheit».

Отрицательно-оценочный смысл «непреодолимого прошлого» реализуется и в метафоре, используемой одним из гостей в отношении поведения главного героя: «Jörg war in seine Wahrnehmungen und Vorstellungen eingesperrt. Er trug seine Zelle mit sich <...>» (207). Языковые единицы «einsperren» и «Zelle», включающие в свою семантическую структуру семы «von anderen abtrennen», «einschließen» [8] и сохраняющие отрицательные оценочные коннотации, закрепленные за ними в узусе, формируют авторское представление о неспособности героя выйти из-под власти прошлого и его иллюзий, а также его духовную несвободу и разъединность с обществом.

Следует заметить, что в романе «Das Wochende» можно обнаружить и упоминавшиеся теоретические установки писателя в отношении темы прошлого, опосредованно характеризующие индивидуальный концепт «Vergangenheit»:

1) Создавая свое произведение задолго до начала дебатов в немецком обществе о целесообразности помилования одного из самых активных членов RAF Кристиана Клара, автор рассказывает читателю явно вымышленную историю освобождения немецкого террориста. Очевиден и тот факт, что и главный герой, и остальные действующие лица романа – художественные, собирательные образы, а вовсе не биографические портреты конкретных террористов. Тем не менее Б. Шлинк признает: «Работая над книгой, я думал, среди прочих, и о Кристиане Кларе»

(цит. по: [5: 207]). Следовательно, можно говорить о подлинной основе истории, изображенной в романе.

2) Включение в качестве вводного элемента в повествование произведения Ильзы об общем друге участников встречи Яне, который, по мысли «начинающей писательницы», не совершил самоубийство, а стал одним из террористов RAF, позволяет Б. Шлинку опосредованно «моделировать прошлое» героев, чередуя факты, имевшие место в действительности, с вероятностными деталями и обстоятельствами биографии террориста и ее наиболее достоверно прогнозируемым финалом. Данное обстоятельство подчеркивает, с одной стороны, «типичность» прошлого Йорга, которое находится в романе в фокусе рассмотрения и имплицитно сопоставлено с биографией «идеального террориста» Яна, а с другой стороны, является для писателя еще одним критерием подлинности – тем, что с большой долей вероятности могло иметь место в действительности.

В заключение нам хотелось бы отметить, что концепт «коллективной вины» и концепт прошлого («Vergangenheit») связываются друг с другом в истории Германии, поскольку проблемы индивидуального и группового настоящего перерождаются в коллективное прошлое. Немецкий национальный образ мира маркирован неослабевающим чувством вины за преступления, совершенные нацизмом во времена Третьего рейха, а в настоящий момент и групповым самобичеванием после того, как идеология террора «Красных бригад» конца 60-х – начала 70-х годов XX века была заклеймена позором. Отсюда возникновение большого числа литературных произведений, эксплуатирующих идею множественности «Я» и ухода от реальности в моделированное пространство со всевозможными коллизиями путешествий в индивидуальном времени (ср.: Стен

Надольный «Weitlings Sommerfrische», Бернхард Шлинк «Die Frau auf der Treppe»). Тем не менее во избежание повторения исторической катастрофы коллективная этническая память призвана сохранить весь опыт, пусть и трагический, выработанный совокупностью судьбоносных для всего человечества событий, инициированных в рамках одной этнокультуры, проявившей агрессивную экспансию по отношению к инакомыслящим представителям своей или другой культуры.

Роман Б. Шлинка «Das Wochenende» является прекрасной иллюстрацией концепции необратимости, линейности и каузальной последовательности связанных друг с другом событий. В романе «Das Wochenende» страх перед повторением болезненного дурмана прошлого членов «Красных бригад» даже по прошествии десятков лет не дает этому коллективному прошлому кануть в Лету, возникая снова и снова в картинах противостояния отбывшего наказание Йорга и всех других, испытывающих перед Йоргом чувство неизбывной вины. Ответ на вопрос «Muss nicht krank sein, wer Leute umbringt, nicht aus Leidenschaft und Verzweiflung, sondern klaren Kopfs und kalten Bluts?» (88) («Разве не болен тот, кто убивает людей, не в порыве страсти или отчаяния, а с ясной головой и холодным сердцем?» (Перевод наш. – Е. В., О. Н.)) заключен в самом речевом поведении людей, окружающих Йорга: Б. Шлинк намеренно коллективным «wir» и множественным числом существительных дает возможность ощутить со-причастность окружающих к террористическим преступлениям, постулируя, таким образом, невозможность применения формы «давно прошедшего» к преступлениям против человечества, но выводя своих героев на путь постоянного со-переживания вольным или невольным жертвам этих преступлений в форме исторического настоящего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср.: Восхождение от «мифа» к «оси времени» – [6: 49]; в немецкой литературе эта проблема наиболее остро звучит в тетралогии Т. Манна «Иосиф и его братья», а в новейшей немецкой литературе находим это явление в творчестве представителей «Группы 47», чье кредо недвусмысленно выразил ее создатель и вдохновитель Альфред Андерш, обозначив основой творчества для себя и своих коллег по литературному цеху прочтение войны и фашизма как знака апокалиптической ситуации всякого человека; эту проблематику находим и в произведениях Б. Шлинка.

² Schlink B. Das Wochenende. Roman. Zürich: Diogenes Verlag, 2008. 239 s. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием номера страницы арабскими цифрами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выготский Л. С., Леонтьев А. Н. Основы психолингвистики. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 287 с.
2. Меняйло В. В. Динамичность авторской картины мира // *Studia linguistica*. Актуальные проблемы современного языкоznания: Сборник. 2009. № 18. С. 110–117.
3. Филипова С. Г. О слоисто-полевой организации авторского концепта // *Studia linguistica*. Актуальные проблемы современного языкоznания: Сборник. 2009. № 18. С. 135–141.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Академический Проект, 2013. 460 с.
5. Хлебников Б. Автопортрет второго поколения. Послесловие переводчика // Шлинк Б. Чтец: Роман / Пер. с нем. Б. Хлебникова. СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 197–209.
6. Ясперс К. Разум и экзистенция / Пер. А. К. Судакова. М.: Канон, 2013. 336 с.
7. Schlink B. Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen. Zürich: Diogenes Verlag, 2011. 95 s.
8. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 2, völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Auflage. Hrsg. von der Dudenredaktion unter der Leitung von Günther Drosdowski. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. 1816 s.

Vorotilina E. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Nikolaeva O. O., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT “THE PAST” IN GERMAN LINGUISTIC WORLD VIEW (CASE STUDY OF BERNHARD SCHLINK’S NOVELS)

The present article analyzes the problem of time as a kind of irreversible, linear, and causal sequence of events. Such chain of events is strongly manifested in the cultural, historical and linguistic world view of the German culture in the concept “The Past”. This concept is understood as a constituent of the integral concept of time. The concept of “The Past” is approached as one of the basic components inherent to the literary works of the modern German writer Bernhard Schlink. The authors of the paper assume that B. Schlink’s novel “The Weekend” (2008) is based on the idea of impossibility to overcome the painful past. A narrative motif of the time as a kind of a “strainer” is variously reflected in the destinies of the novel’s characters. For Jörg, who is a protagonist of the novel “The Weekend”, this motif has the nature of some “historical present”. It hinders his progression beyond the frames of his personal “past” (a metaphor “Zelle”). This phenomenon is based on his conviction of the right choice of employed revolutionary methods.

Key words: The concept of time and its constituent “The Past” (“Vergangenheit”), German linguistic world view, the author’s individual concept of time, Bernhard Schlink’s novel “The Weekend”

REFERENCES

1. Vygotckiy L. S., Leont’ev A. N. *Osnovy psicholinguistiki* [General issues of psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., St. Petersburg, Lan’ Publ., 2003. 287 p.
2. Menyaylo V. V. Dynamism of the author’s world view [Dinamichnost’ avtorskoy kartiny mira]. *Studia linguistica. Aktual’nye problemy sovremennoego yazykoznanija: Sbornik*. 2009. № 18. P. 110–117.
3. Filippova S. G. On the laminated field-type organization of author’s concept [O sloisto-polevoy organizatsii avtorskogo kontsepta]. *Studia linguistica. Aktual’nye problemy sovremennoego yazykoznanija: Sbornik*. 2009. № 18. P. 135–141.
4. K h a y d e g g e r M. *Bytie i vremya* [The Being and Time]. Translated from German by V. V. Bibikhin. Moscow, Akademicheskiy Proekt Publ., 2013. 460 p.
5. K h l e b n i k o v B. The self-portrait of the second generation. The afterword of the translator [Avtoportret vtorogo pokoleniya. Posleslovie perevodchika]. *Shlink B. Chtets: Roman*. Translated from German by B. Khlebnikov. St. Petersburg. Azbukaklassika Publ., 2009. P. 197–209.
6. Y a s p e r s K. *Razum i ekzistentsiya* [Reason and Existence]. Translated from German by A. K. Sudakov. Moscow, Kanon Publ., 2013. 336 p.
7. S c h l i n k B. Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen. Zürich: Diogenes Verlag, 2011. 95 s.
8. D u d e n . Deutsches Universalwörterbuch. 2, völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Auflage. Hrsg. von der Dudenredaktion unter der Leitung von Günther Drosdowski. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. 1816 s.

Поступила в редакцию 20.04.2016